

Инга Максимовская

A man with a beard, wearing a purple suit jacket, a blue and white striped shirt, and a yellow patterned tie, is smoking a cigar. He is looking towards the camera. Next to him is a woman with long blonde hair, wearing a black sports bra and black shorts. She is looking towards the camera. A yellow measuring tape is draped around the bottom of the image, with a green apple visible on the left side.

БОГИНЯ
В СПОРТИВНОМ
КОСТЮМЕ

Инга Максимовская

Богиня в спортивном костюме

«Инга Максимовская»

2021

Максимовская И.

Богиня в спортивном костюме / И. Максимовская — «Инга Максимовская», 2021

Я, у которой всегда и все под контролем, проснулась в объятиях незнакомца. Абсурд? Черта с два! В нем все, что я ненавижу в мужчинах: лишний вес, неразвитые мышцы и раздутое эго. А через месяц — новость: я беременна. И это накануне соревнований, которые должны были стать вершиной моей спортивной карьеры и решить все финансовые вопросы до конца жизни! Теперь мой удел – должность фитнес – инструктора в элитном клубе для зажавшихся толстосумов. И угадайте, кто стал моим первым клиентом?

© Максимовская И., 2021

© Инга Максимовская, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Инга Максимовская

Богиня в спортивном костюме

Пролог

– Боже, боже, только не это. Такого просто не могло произойти со мной. Только не со мной. Я же умная, рассудительная, и я ненавижу толстяков. Ненавижу, – словно мантру шептала я про себя, бегая по незнакомому помещению в поисках своего любимого бюстгалтера. Судя по всему это не квартира, а гостиничный номер. Очень дорогой гостиничный номер. Я старалась не смотреть на похожую на футбольное поле кровать, где которой вальяжно развалившись, громогласно храпел бегемот. Нет, не бегемот, а скорее похожий на тюленя, выброшенного на берег, огромный мужик, рядом с которым я проснулась сегодняшним недобрым утром абсолютно, бесстыдно голая. Он, кстати, тоже одет был лишь в криво натянутые на голову мои трусики. Твою ж мать. Искомый лифчик, обнаружился в его сарделькообразных пальцах.

– Да и черт с ним, – подумала я. Хотя бельишко привезенное мною из Франции было невообразимо жалко. Но представив, что этот человек – гора проснется и даже, может быть, начнет качать права, я поняла, что обойдусь без красивого комплекта. Натянула на голое тело платье, и подхватив туфли выскочила в длинный кишкообразный коридор. Как раз вовремя.

– Детка, ты еще тут? – услышала я офигенно сексуальный голос. Если бы не знать кому он принадлежит, я бы наверное влюбилась. Неужели эта гора сала может издавать такие приятные звуки?

– Хрен тебе, – буркнула я под нос, и ломанулась куда глаза глядят, в поисках лифта.

Сбежать, забыть и больше никогда не вестись на уговоры идиоток подруг. Эх, если бы я знала к чему приведет меня легкомыслие вкупе с непроходимой тупостью. Но в тот момент меня гнало единственное желание – свалить. А нет, второе было накостылять Дашке, ведь это благодаря ей я попала в идиотское положение.

Глава 1

ОЛЕСЯ

Вечер накануне...

Все вокруг мерцало, выло, извивалась. Я поморщилась, как от зубной боли, и сделала глоток отвратительного смузи. Подозреваю, что гадость скисла от взгляда, которым меня одарил бармен, когда я делала заказ. Только идиот мог устроить корпоратив посвященный дню рождения фитнес-клуба в ночном клубе. Притащить людей, которые постоянно соблюдают режим и сушатся в заведение, где из правильного питания присутствуют только вода и лед – верх извращения. На такое способен только Борис Ефимович – наш генеральный. Я уж не знаю, кто дал ему погоняло Дядюшка Ау, но он ему невообразимо подходит. Если мужику крикнуть в ухо, то сто процентов услышишь раскатистое эхо. Мозга под толстой черепной костью у нашего начальника отродясь не было. Родился без ненужного атавизма. Пропустить вакханалию тоже было нельзя, так как накануне соревнований скандал с шефом мне вообще был не нужен.

– Лесь, у тебя такая морда сейчас, как у Волан де Морта. Такое ощущение, что через пять минут убивать начнешь, – хихикнула Дашка, – может вина выпьешь грамульку.

– Слушай, отвянь. Знаешь же, что это абсолютно исключено, – скривилась я. Хотя сейчас мне хотелось не вина, а водки, лишь бы не видеть творящегося вокруг адского бала. Вот только пить мне нельзя. В крови отсутствует липид расщепляющий алкоголь. Ложки сорокаградусного нектара мне достаточно, чтобы улететь в заоблачные дали на золотом единороге. При этом я не вырубаюсь, а наоборот становлюсь веселой и безбашенной. Жаль на утро не всегда помню, что творила ужравшись тремя каплями алкоголя до свинячего визга. Зато почти всегда, за редким исключением, мне бывает стыдно, потому что-то, что мне рассказывают свидетели моего позорного триумфа – это треш, угар и содомия. По крайней мере Дарья это так называет. И сейчас ей похоже тоже офигенно скучно, раз подруга предлагает мне выпить.

– Да ладно тебе, хоть развлечемся, а то я скоро в петлю полезу – хмыкнула дурочка. Ну уж нет, в этот раз на ее удочку я не попадусь.

А потом я почувствовала толчок в спину, и кверху ногами полетела с идиотской, неудобной барной табуретки. Тренированное тело само сгруппировалось в воздухе, но я все равно больно ударилась об пол самой любимой частью своего организма – задницей. Прекрасное продолжение замечательного дня.

– Простите ради бога, – услышала я невероятно сексуальный голос с хрипотцой, от которого мое тело покрылось толпами липких, очень колючих мурашек. Я аж забыла об отбитой мадам сию. Вот, сейчас мне наконец то фортанет, и я обрету женское счастье в объятиях принца. Ромка, с которым у меня отношения вяло тянутся почти год, начал утомлять. Тело у него, как у бога, конечно. Но мозг, как у цыпленка – бройлера. Я подняла голову в надежде увидеть перед собой секси Апполона и едва не застонала. – С вами все в порядке?

– В полном, – пробухтела я, разочарованно рассматривая толстого мужика, затянутого в охрененно дорогой костюм. Интересно, какого черта этот нувориш забыл в этом проклятом всеми демонами ада месте? Ах, дьявол, он еще и с сигарой зажатой в белоснежных зубах. Дон Карлеоне, твою мать. Я и сама не могла объяснить, почему «красавчик» вызвал у меня такую бурю эмоций – от полного безразличия, до вихрящейся в душе лютой злобы, всего за одну минуту. Это рекорд. Скорее всего, наш спортивный врач, Роман Аркадьич прав. Гормоны во время сушки у меня летят в жопу к дьяволу. – А вот вам не мешало бы собой заняться. Похож на буйвола, потому и двигаешься, как слон в посудной лавке. Я между прочим за это платье пол

зарплаты отвалила,– дымила я, рассматривая уделанное вконец, уродское платье, которое я и купила то, явно ослепнув на какое-то время, и заодно обезумев. Уродливая тряпка делала меня похожей на дешевую проститутку, но Ромке нравилась. Вот я и напялила на себя красотищу.

– Я заплачу, простите еще раз,– не обращая внимания на мою грубость, толстяк достал из кармана пачку евро, перетянутую резинкой. Пипец. Такого я не видела еще. Резинкой, мать его за ногу. А он, как ни в чем не бывало, не считая, вытащил толстую стопку купюр, и протянул мне. Сволочь.

– Убери свои бумажки, и проваливай,– прошипела я,– хотя нет. С тебя новый смузи.

– Я куплю,– вклинилась Дашка, и ловко выхватив у незнакомца из пальцев деньги ломанулась к бару.– Вы ее простите, у нее такие дни,– ласково улыбнулась она толстяку, который равнодушно пожал плечами и затерял в толпе. Интересно, как это у него получилось с таким то телосложением?

– Ты чего на парня окрысилась? – спросила подруга, подавая мне новый стакан,– такой душка, а ты – мегера.

– Да пошел он, – сказала я, делая глоток, не ожидая коварства от этой овцы сидящей напротив и змеино лыбящейся. – Что там? – успела спросить я, прежде чем на мой мозг опустилась пелена.

– Водки три капли,– услышала, словно сквозь вату слова Дашки. Боже, помоги.

ЛЕВ

– Слушай, ты чего смурной такой?– хмыкнул Кирилл, пододвигая мне тяжелый стакан с коньяком, который, к слову сказать, я терпеть не могу.

– У меня проблемы, Кир,– поморщился я, делая глоток огненной воды, и совсем не слушая распинаящегося о чем – то своем, приятеля. Он всегда так: сначала спрашивает о моих делах, и не дожидаясь ответа начинает вываливать на меня свои проблемы. За годы, которые мы знакомы, я научился фильтровать ненужную мне информацию. Да, не вежливо, зато помогает не лишиться душевного здоровья. В противном случае можно просто перегореть, как допотопный ЭВМ от огромного объема ненужного спама, перегрузив к чертям собачьим и без того распухший мозг. Вместо этого я устави́лся на девку, которая очень хорошо дала мне понять, кто я на самом деле такой. Могла бы не утруждаться. Ну, да. Я толстый, неуклюжий слон, и без нее знаю. Не неудачник – это было бы ложью. Вполне успешный, достаточно состоятельный человек. Достаточно, для того, чтобы позволить себе не думать о завтрашнем и даже послезавтрашнем дне. После того как я создал компьютерную программу, способную отслеживать почти любой системный вирус, я вдруг резко стал очень богатым. Бесконечно, я бы сказал.

– Так, что думаешь? – наконец прорвался в мои мысли Кирюха,– выдюжим?

– Слушай, я правда приехал не просто так,– вздохнул я устало. К нахальной девке, как раз в это время подвалил такой кент, что Дуэйн Скала Джонсон, выглядел бы на его фоне сопливым мальчишкой. Торс красавчика, обтянутый белоснежной майкой, в неоновом свете клубных ламп, выглядел словно отлитым из гипса. А вот нахалка вела себя странно. Когда я ее уронил, она была трезва, как стекло, могу поклясться. А сейчас красотка явно выглядела, как человек выпивший. При чем, судя по неловким, но довольно резким движениям она была пьяна в сопли.

– Что, запал на курицу? Да тут таких овец плюнь попадешь,– перехватил мой взгляд Кирьч.

– Ты уж определись, к какому отряду относится куколка,– хмыкнул я, готовый сорваться с места, и поставить на место качка, хватающего девчонку за руки. Она извивалась, как ящерица, не давая ему перехватить ее поперек туловища. Красотка, конечно. Платьишко коротенькое

задралось в процессе борьбы с «Шварценеггером», явив миру хорошо развитые, мускулистые ноги, и крепкие, похожие на наливные яблоки, ягодицы. Я сглотнул тягучую слюну.

– Да ты чего? Девчонка никакая. Лиске твоей в подметки не годится, – хмыкнул приятель. – Невеста у тебя – царь птица, а ты на стероидную ляльку заглядываешься.

– Расслабься. У нее вон какой бойфренд. С прессом, – слова мои прозвучали жалко. Ну да, я комплексую. И, если уж честно, лучше естественная фитнес – няшка, чем силиконовая долина. А Лиска принадлежит именно ко второй касте. Я держу ее рядом только потому, что она деньги любит больше, чем что-либо, поэтому просто не замечает моего телосложения. И скорее всего ждет не дождется, когда я сдохну от ожирения или сердечного приступа вызванного сахарным диабетом, чтобы прибрать к жадным, похожим на куриные лапки, ручонкам, сладкие банкнотки с моих счетов, и найти себе знойного мачо, такого, как вон тот придурок, доводящий меня до клокочущей внутри ярости. Не знает, дурочка, что я давно отписал все в завещании фондам, борящимся с ожирением.

– Не, братан, – заколыхался Кирюха, – это у него с животом, что – то. Пресс у тебя лежит, в нагрудном кармане, резинкой для трусов перетянутый. Ты, кстати, портмоне бы купил, что ли, или мешок инкассаторский.

– Кирюх, слушай, погоди, – сказал я, вставая с места. Девчонка явно не справлялась с необремененным интеллектом качком. Ее подружка бестолково вертелась вокруг, и ничем не помогала ни ему, ни своей приятельнице.

– Эй. А ну оставь девушку в покое! – крикнул я, пытаюсь переорать гремящую музыку. Как ни странно, качок меня услышал, и даже на мгновение выпустил свою жертву из медвежьих объятий от неожиданности. Нет, его можно понять, наверное впервые кто – то рискнул ему помешать.

– Слушай, малыш, иди а. Куда шел, иди, жирок заодно растрясешь, – спокойно сказал парень. Ну да, я не ошибся. Морда глупая-глупая. Глаза, как целлулоидные пуговицы. – Вали, пока я не разозлился и не испортил твой костюмчик.

Девчонка с интересом уставилась на меня, как на диковинное животное и пьяно икнула. Странно, может это и не алкоголь совсем.

– Ты же видишь, девушка с тобой идти не хочет, – спокойно продолжил я, не сводя глаз с оппонента.

– Он, прав, – вдруг пьяно протянула красотка, – я с тобой пойду. Ты же не против? А ты Ромашка, – глянула она на качка, – иди штангу потягай. В последнее время у тебя только с железом любовь получается. Вот и трахайся в зале, а меня в покое оставь.

– Убью, – порычал тот, кого девчонка назвала Ромашкой, и бросился в нашу сторону. Куколка повисла на мне прижавшись теплым, каменно мускулистым боком, и даже не шелохнулась, увидев движение своего приятеля. Странно, но этот терминатор даже приблизится к нам не успел. Отлетел на добрых полметра, и обвалился у ног танцующих, удивленно хлопая глазами.

– Ты бы голову берег, братан, – услышал я голос Кирилла, – она миллионов стоит, а ты из – за бабы ее потерял совсем.

Я оглянулся, посмотрел на друга, за спиной которого маячили два огромных, похожих на шкафы, охранника этого вертепа, и снова посмотрел на болтающуюся на моей руке девушку.

– Слушай, Кир, завтра договорим, – сказал я, – мне надо девушку домой отвезти.

– Меня, кстати, Карина зовут, – хихикнула куколка.

– Не ври, тебе не идет, – усмехнулся я, подхватывая ее на руки, потому что сама девчонка идти не могла. – Я прекрасно слышал, что ты Олеся. Твоя подружка сдала тебя с потрохами.

– Вот овца, – притворно хихикнула красавица, обвивая своим руками мою шею. – Так, что, Мистер Большой, отвезешь меня домой? Только к себе. Я хочу продолжения банкета.

– Что она принимала? – спросил я у испуганной подружки, метавшейся между Олесей и ее бойфрендом, которого шкафы потащили к выходу, как блохастого котенка. Просто от девки совсем не пахло спиртным, а я привык быть готовым ко всему. На наркошу красotka не походила, так что, возможно это ее первый опыт, так сказать. А в этом случае можно ожидать какой угодно реакции неподготовленного организма.

– Ничего, – заныла дурочка, даже не пытаясь остановить Олесю, собирающуюся совершить глупость. Тоже мне, подруга, посторонний мужик утаскивает с собой ее приятельницу. А она как корова, только мигает нарощенными ресницами, и не предпринимает ничего, чтобы этому помешать. – Водки я ей подлила грамм пятьдесят в сок. А у нее непереносимость алкоголя.

Олеся затихла в моих объятиях, и даже как – будто задремала. Ой, только вот не надо меня считать страшным бармалеем. Мне просто стало жаль дурочку, не дай бог какой-нибудь ублюдок воспользуется ее состоянием. Я просто отвезу ее домой.

Кирилл проводил меня взглядом, но не сказал ни слова больше. Девчонка будоражила мои мысли, словно сводя с ума. Давненько со мной такого не было. С юности, наверное, когда голова кружится от предвкушения встречи с представительницей противоположного пола. И я, как под гипнозом, подчинился странной Олесе.

– Ты живешь в гостинице? – спросила она, нетвердой походкой переступив порог моего временного жилища.

– Вас что – то не устраивает, мадам? – шутливо спросил я, видя озадаченное выражение на красивом личике своей дамы.

– Меня устраивает все, – хмыкнула девица, подойдя ко мне вплотную. – А ты красавчик, хоть и скрываешь свою привлекательность за слоем жира. Но мне сегодня хочется именно вредного, понимаешь?

О, да. Я понимал. Настолько хорошо, что казалось мои брюки сейчас просто лопнут в районе ширинки. Она пахла похотью, молоком и сливочной тянучкой. А я стоял, как дурак, чувствуя жар ее тела, но все еще пытался остаться порядочным человеком, пока Олеся сама не подтолкнула меня на гостиничную кровать, и не содрала с меня брюки вместе с трусами.

– О, да ты везде у нас Мистер Большой, – хмыкнула нахалка округлив пухлые губки буквой О, без стеснения рассматривающая моего «друга» вырвавшегося на свободу. – Ты полон прекрасных неожиданностей. Но и я не абы кто. Между прочим, перед тобой чемпионка Европы, России и Американской фитнес академии, в категории фитнес – бикини, – похвасталась она, стягивая с себя дурацкое платье, и являя моему взору тело богини – амазонки. Как зовут тебя, идальго?

– Лев. Лев Смелов, – хмыкнул я. Странная, стоит передо мной в чем мать родила. Могла бы и раньше поинтересоваться моим именем. А вдруг я маньяк.

Я смотрел на нее, не в силах отвести взгляд, во рту пересохло, когда куколка, покачивая бедрами подошла к кровати.

– Сегодня ты будешь диким и ненасытным жеребцом, Лев, р-р-р- хихикнула бесстыдница, седлая меня как скакуна.

– Кем угодно, – прохрипел я, когда Олеся начала двигаться вверх – вниз, наращивая темп. Она застонала, и слегка склонилась вперед, давая мне возможность обхватить губами крупный, похожий на вишню сосок. Я впился руками в ее ягодицы, пытаюсь немного замедлить ее движения. О да, она была божественна. Впервые в жизни я ощущал такой невообразимый кайф от близости с женщиной. С незнакомой женщиной.

– О, да, – застонала Олеся, прогибаясь в пояснице. Я почувствовал сокращение ее мышц на своем члене, и больше не сдерживаясь зарычал, изливаясь в нее. Оргазм невиданной силы разорвал мой мозг, на миллионы лоскутов. Еще немного, казалось, и сойду с ума.

– Твою мать, мы же не предохранялись,– мелькнула здравая мысль, но тут же была смыта лавиной горячего удовольствия.

– Это было бомбически,– прохрипела красавица. – Иногда надо баловать себя вкусеньким.

Я посмотрел на нее, но она уже спала, тихо сопя в подушку.

А утром она просто исчезла. Оставив мне на память только кружевные стринги, которые в порыве безумия натянула мне на голову. Ну и черт с ней. У меня своих проблем полно, из-за которых я собственно и приехал в город своего детства.

Глава 2

ОЛЕСЯ

– Где ты шлялась?– я вздрогнула как от удара хлыстом, не ожидая услышать в темноте прихожей голоса любимой тетюшки. Обычно, в это время она уже на работе. Несет разумное, доброе, вечное. А точнее, насильно впихивает в головы малолетних оболтусов знания, которые им никогда не пригодятся в будущем. Не всем, по крайней мере. Моя тетя преподает философию и историю в обычной школе. Хотя, вот убейте не пойму, на черта прыщавым подросткам знать Демокрита, например, или уметь рассуждать о странности бытия.

– У Дашки переночевала,– на голубом глазу соврала я, пытаюсь просочиться мимо маленькой тети Любиной фигуры в свою спальню. Я хоть и тренированная, но променад через полгорода, босиком в проститутском платье без трусов, даже меня утомил, откровенно говоря.

– А я ей первой позвонила,– хмыкнула Люба, – только ничего вразумительного не услышала. Леся, ты же знаешь, я с ума схожу. Могла бы хоть позвонить. Я же понимаю, ты взрослая, и можешь себе позволить хммм.... Вольности. Но, когда с утра и Ромка начал истерить мне в трубку. Вот, что я должна была подумать?

– Я надеюсь, ты не звонила в больницы и морги снова? – спросила я, видя на лице тети упрямую решимость. Ну конечно, меня уже все знают в последних приютах усопших. И тетю Люсю по голосу узнают.

Меня воспитала тетя. Ну да, так получилось, что собственной матери я оказалась, в общем-то не очень удобной. Она хотела строить карьеру артистки, блистать. А тут я, сопливым приложением.

– Знаешь, я наверное на время отдам Леську в интернат,– сказала как –то любящая мамуля, грызя морковку в кухне своей сестры. Сказала буднично, словно о покупке нового платья.– Мне один режиссер, очень известный роль предложил, а с ребенком, на черта я ему нужна?

– Маш, ты чего? – удивилась Люся, посмотрев на сестру распахнутыми глазами,– это же дочь твоя. Разве можно ее на мужика менять?

– Да ты посмотри на нее, – поморщилась мама, показывая глазами на меня, играющую в углу в страшную, лохматую куклу. Я делала вид, что увлечена уродкой, но уши у меня были, наверное, похожи на локаторы, улавливающие каждое слово,– девчонка не удалась. Я уж не думала, что у меня может родиться настолько уродливый ребенок. Она и толстая еще. У всех дети как дети. Бегают, смеются, а эта сидит букой и только и думает, как бы лишнюю конфету сожрать и булкой закусить. И запомни Люська, я не Маша. Меня зовут Мирослава Загорская.

– Маш, оставь ее мне,– вдруг сказала тетя, пропустив мимо ушей последние слова своей сестры,– мужа у меня нет, детей тоже. Я воспитаю девочку, а ты в гости приезжать будешь. Может проснуться материнские чувства, так бывает. Не лишай себя счастья, а девочку дома. И зря ты, она прекрасна, и эта щенячья пухлость ей очень даже идет.

Так и решилась моя судьба. Нет, я не плакала в подушку. Впервые в жизни мне было хорошо. У меня была чистая постель, теплый дом, и тетя, которая стала центром вселенной. Мы с ней пели в караоке каждый вечер, танцевали и я наконец поняла, что значит быть нужной и любимой. Вот только есть я больше не любила, как отрезало. Не очень приятно узнать в девять лет, что ты жирный урод.

– Лесь, ты меня слышишь, вообще?– выдернула меня из воспоминаний Люся.

– Ты почему не на работе?– тупо спросила я, пытаюсь выровнять дыхание. Воспоминания о матери всегда сопровождаются у меня панической атакой, так уж случилось.

– У нас гости,– сказала Люся, старательно отводя взгляд. Я замерла на месте. Такое виноватое лицо у тетушки бывает только в двух случаях: она добавила соль в мою пищу, и у нас дома нарисовалась звезда эстрады, сиятельная Мирослава, залитая по уши ботоксом и гилауронкой. Господи, пусть это будет соль.

– Приведи себя в порядок,– тихо шепнула Люся,– мать все таки, а у тебя соски через платье торчат.

– Ну да, это конечно ужасно,– обреченно хмыкнула я, вспомнив, какие антраша мамуля выделяет в своих высокохудожественных клипах. Одетая лишь в кусок тюли, размером двадцать на двадцать сантиметров. Или поцелуй взасос на всю страну с такой же ботоксной крокодилиной. Да я в сравнении с родительницей просто монашка Урсулинка.– Какого черта она приперлась?

– Нельзя так о матери? – в тете Люсе подняла голову училка.

Я переоделась, приняла не спеша ванну, высушила феном шевелюру, надеясь оттянуть миг счастливой встречи с мамусей и наконец вышла в кухню, где Люся накрывала стол к чаю. Мирослава сидела с лицом статуи, благосклонно наблюдая за действиями сестры, потому не сразу заметила мое появление.

– Ты все равно невообразимо толстая,– вместо приветствия сказала она, наконец соизволив обратить на меня внимание. Каждая наша встреча начинается именно с этих слов.

– И тебе здравствуй мама,– спокойно ответила я, потому что объяснять ей что-либо бесполезно. Международное жюри, считающее, что мое тело идеально и жир в нем отсутствует как класс, для матушки не авторитет, потому что есть только два мнения ее и неправильное.– Как там твои кардебалеты?

– А родишь, вообще разопрет. Станешь похожей на комод,– не слушая меня, продолжила звезда сцены и экрана.

– Маш, не приставай к девочке. Она и так почти не ест. И сушится все время,– заступилась за меня тетушка, за что удостоилась такого взгляда, от которого все стоящие цветы в комнате тут же поникли.

– Я не собираюсь рожать. Зачем? Чтобы вот так же сбегать дитяте на свою сестру? Ой, прости, забыла, у меня же нет сестры. Моя мамуля не чадолюбива, да и фигуру испортить боялась всю жизнь. А родную кровь отдать в чужие люди я не смогу. Мы с тобой все таки абсолютно разные. И это великое счастье. И знаешь, я скоро стану чемпионкой мира.

– Я приехала не собачиться с тобой, и между прочим, за свои заслуги мне должна спасибо сказать. Если бы я тебя не учила, сейчас бы была на бомбовоз похожа., – поморщилась мамуля. Наконец то я смогла до нее достучаться, – Я теперь буду жить у вас.

– в смысле? – просипела я, и если бы не звук разбившегося вдребезги чайника, выпавшего из рук побледневшей Люси, я бы наверное упала в обморок.

– Я банкрот,– всхлинула маман,– из дома меня выгнали. А пойти мне некуда, только к вам.

Ну вот, мало мне того, что я черте чем занималась с толстым мужиком всю ночь, так еще и это. Пришла беда откуда не ждали. Денек начинается, просто супер.

– Я в зал,– не найдясь, что сказать, выкрикнула я, и схватив стоящую всегда у порога спортивную сумку позорно сбежала, оставив тетю разбираться со свалившейся на голову проблемой.

ЛЕВ

– Слушай, ты о чем все время думаешь? – спросил Кирюха, глядя, как я верчу в руках золотой Паркер. Мы знакомы с детства. Только он решил, что лучше стать королем в большом городе, а меня не манила перспектива обогащения. Мной двигали другие чувства, когда я с одной сумкой хабара уехал покорять столицу. – Я тебе дело предлагаю. Один не выдюжу финансово. Давно на этот ночной клуб облизываюсь. А сейчас цена бросовая.

– Мне не интересно это, – поморщился я. Мой дружок всегда был таким, но в детстве его напористость считалась признаком лидерства, а сейчас, откровенно говоря раздражала. Сумма, которую Кирилл озвучил и вправду была небольшой. Не огромной, по крайней мере. Просто я знал, чем в конечном итоге заканчиваются такие сделки. Друзья очень быстро становятся врагами. А плодить последних мне не хотелось. – Кирюх, у меня и без этого проблем достаточно. Я бы сроду не приехал в город, из которого едва выбрался.

– Да какие у тебя могут быть проблемы? – спокойно спросил Кирилл, нозлых искр в глазах не смог скрыть. Видно бурлит в душе. – Живешь как царь, а на счет каждый день капают тугрики. А тут крутишься как белка в колесе, а лучший друг и пальцем не хочет пошевелить. При чем, я же не в долг у тебя прошу. Предлагаю замутить совместный бизнес.

Я задумался. Терпеть не могу, когда на меня давят. С детства. Все свои проблемы и печали меня научил заедать папа. Он и сам так делал. На работе проблема – значит на ужин у нас торт. У людей вкусняшка по праздникам, а у нас тортик был предзнаменованием конца света. Мама его поддерживала. Нет, у меня была прекрасная семья, а потом, в одночасье родителей не стало. Мне тогда едва исполнилось восемнадцать, когда они погибли в дурацкой автокатастрофе, оставив меня совершенно одного. И я начал есть. Ну да, заедать стресс. А так, как деньги которые остались от родителей, таяли прямо на глазах, мне ничего не оставалось, как собрать манатки и уехать к дальней родственнице в столицу. Тем более в родном городе меня ничего не держало, а даже наоборот отталкивало. Все напоминало о безвременно ушедшем благолепии. Квартиру родителей я продал. Странно, но даже без сожаления.

– Ты где витаешь опять. Как, кстати та девка, которую ты вчера увез? Ничего так? А братишка? Ты же ведь не был лохом, и попользовал малышку?

– Кирилл, мне не нравится обсуждать личную жизнь, – поморщился я. Проклятая девчонка и вправду не шла у меня из головы с самого утра. Я даже не удержался, и заказал пиццу в номер, хотя в последнее время, стараюсь себя ограничивать.

– Ладно, не пыли, – миролюбиво хмыкнул приятель, – не прав я. Да, и что за проблема у тебя такая, о которой ты талдычишь. Ты извини, Лева, я все с клубом своим. Просто подгорает у меня, понимаешь?

– Понимаю. И помогу. Но в бизнес не полезу. Не мое, – спокойно сказал я. Нет, Киру мои проблемы не интересны. Он просто решил сменить тактику. Не нытьем, так катаньем, так сказать. Вот только мне наплевать. Давно стало абсолютно безразлично. Потому что я понимаю, что дружат со мной, делают вид, что любят, радостно улыбаются мне в лицо только по одной простой причине – я богат. А во всем остальном я толстый неудачник. И только та странная девчонка, подарила мне чувство нужности. Какая – то она была настоящая. Не фальшивая насквозь, как сидящий напротив меня, лоцный Кирка, тоже начавший полнеть, но все еще старающийся держать себя в форме.

– Давай, выкладывай, что за проблема? – поинтересовался мой друг детства.

Я промолчал. Почему-то мне совсем не хотелось делиться с Кириллом Олеговичем своими неприятностями. Да и вообще, это касается только меня.

– Через год. Вы станете полным инвалидом, если не возьмете себя в руки, – сказал мне профессор, доктор медицины и по совместительству европейское светило, всего каких то две

недели назад.– Ваши суставы не выдерживают тяжести. Мы можем до бесконечности вас оперировать, делать липосакцию, и поводить различные терапии. Но это будет бездейственно, если вы не прекратите измываться над своим организмом, запихивая в него тонны вредной еды. Вашим уделом станет диабет, инвалидная коляска, и кислородный баллон, потому что сердце тоже справляется с возложенной на него миссией плохо.

– И что же мне делать? – тупо спросил я, понимая, что мои деньги для этого едкого сухого дядьки, не так уж и важны. У него своих, как у дурака махорки.

– Не жрать. Зашить рот и начать заниматься спортом. Если за три месяца вам удастся сбросить двадцать килограмм, придете, и назначу вам курс терапии. В противном случае можете заказывать себе мотоколяску. Она удобна, но дорога. Хотя. С вашими финансами вы себе сможете позволить и ее и сиделку, которая будет менять вам памперсы.

Я промолчал. Даже не обратил внимание на грубость светилы. А что тут скажешь? Зачем я вернулся в город своего детства? Это смешная история. Меня прислал сюда все тот же профессор Зиберт. Когда я услышал из его уст название населенного пункта, где мне могут помочь – расхохотался. Нет, это была не деревушка, затерянная в Альпах, не санаторий на побережье Средиземного моря. Это была шутница – судьба, возвращающая меня в прошлое. И сейчас моя цель – закрытый санаторий для худеющих.

– Лев, ты не ответил, – нетерпеливо подтолкнул меня Кирюха, – поможешь мне с мечтой.

– Через месяц, – деловито ответил я, вставая с неудобного кресла, – готовь все. Я сегодня уезжаю. Через месяц вернусь, и буду в городе несколько дней. Подпишем договор займа. Я не хочу процентов, не буду ставить сроков, отдашь – когда сможешь. Но отдашь, потому что мне не очень нравится терять близких знакомых из-за бумажек.

– Да, да, братан, – как китайский болванчик закивал головой Кирюха, и я понял, что уже мы с ним не друзья, да и не были никогда. Он же первый в школе меня дразнил бомбовозом и промсарделькой. Просто с возрастом старые обиды стираются. Жаль, что Олесю я больше не увижу. Девчонка то судя по всему открытая и честная. Даже умудрилась оскорбить меня необидно. Констатировала факт. Черт возьми, и почему я снова и снова возвращаюсь мыслями к этой чертовке?

Глава 3

ОЛЕСЯ

Месяц спустя...

– Леська, там Аркадьич тебя видеть хочет, – радостно сообщил Ромка, ввалившись в женскую раздевалку без зазрения совести. Кстати девочки, находящиеся в разной стадии обнаженности, отреагировали на него вяло. Уже привыкли к бесцеремонности и нахальству моего бойфренда.

– Зачем интересно? – поморщилась я, совсем не желая идти к нашему доктору. Роман Аркадьевич, переименованный своими пациентами просто в Аркадьича, для удобства, мужик неплохой, но уж очень въедливый. Когда начинает жизни учить – вообще караул. И угадайте, кто его любимый тренажер, на котором он испытывает свои изощренные пытки, упражняясь в острословии и нудных поучениях. Ну конечно же я. И идти к нему сейчас мне не хотелось вообще. Тем более, что и чувствовала я себя в последнее время не ахти. Опять сейчас скажет какуюнибудь гадость, как без этого?

– А я знаю, – дернул «дельтой» красавчик. Интересно, почему он меня так раздражает в последнее время? – По плечу меня похлопал. Сказал, что я молодец, и велел пригласить мою зазнобу. А поздравил еще с чем – то, я не очень понял. Наверное признал все таки, что я лучший в своей категории. А то все бубнил, что я увлекаюсь добавками, ну ты понимаешь.

Я закатила глаза. Слушать болтовню Ромки уже не было сил. Права моя мамуля. Хотя слова права и мама у меня вообще никогда не вяжутся между собой. Но все же, не далее, как вчера она сказала: «Запомни доча, самое сексуальное в мужчине его кошелек и ум, а не тело. Первое предпочтительнее, хотя очень редко мужик глупый имеет много денег. С телом хорошо только трахаться»

По поводу кошелька я бы с ней поспорила. А вот ума у Ромки и вправду, как у рыбки. Да и про тело мама сказала не знаючи. После приема стероидов у мальчиков – качков вечное «полшестого».

– Хорошо, я пойду к Пилюлькину, – вздохнула я, чувствуя, как противный ком снова подскочил от желудка к горлу за секунду, вызвав очередную серию спазмов.

– Ага, я тебя у машины ждать буду. Ты же хотела провести со мной вечерок, детка?

– Да, и что в этот раз мы будем делать на головокружительном свидании? Кардио вместе замутим, или я снова буду тебе «блины» подтаскивать, и восторгаться головкой твоего трицепса? – ехидно спросила я, надеясь, что до тугодума дойдет, что сейчас он меня капец как бесит. Так бесит, что мне хочется дать ему по башке его любимой штангой. Но Ромуальд не заметил всего того яда. Что я вложила в свой вопрос. Хотя, ничего удивительного. – Поезжай домой, Ром, твой трамвай через пятнадцать минут. Я сегодня не в духах.

– Лесь, ты чего? – Рома посмотрел на меня ясными глазами, но напорвшись на мой взгляд замолчал. Впервые в жизни, кстати. Обычно заткнуть фонтан его велеречивого красноречия у меня не получается. – Гормоны опять, да.

– Поезжай домой, Рома, – уже не сдерживаясь заорала я. «И вправду, чего это со мной?» – подумала, глядя в удаляющуюся спину бойфренда.

– Заходи, Смехова, – услышала я голос врача, едва успев занести руку, чтобы постучать в дорожную дверь его кабинета. Интересно, как он узнает, что я стою у его порога. Какой-то сверхъестественный нюх у человека. Я толкнула воротину и просочилась в просторную свет-

лую комнату, обставленную дорогой мебелью, которую язык не повернется назвать врачебным кабинетом.– Да давай уже, не мни булки.

– Это твоя работа – мять наши булки,– ухмыльнулась я, усаживаясь в шикарное кресло, стилизованное под версаль. – Зачем звал, Аркадьич?

– Поздравить тебя, дорогуша. Ну или огорчить до икоты, это уж как пойдет,– протер очки салфеткой Пилюлькин. Наверное, чтобы лучше видеть мое растерянное лицо.– А знаешь ли ты, Олеся Смахова, что такое хорионический гонадотропин?

– Гондоно чего? – спросила я откидываясь на неудобную, выгнутую спинку кресла. Понеслась душа в рай, теперь придется выслушивать очередную нудную лекцию, вместо того, чтобы вернуться домой пораньше, предварительно в магазин, и насладиться купленным мною шпинатом. При мысли о вкусняшке рот наполнился слюной, как у печально известной собачки. Вот только аппетита я не почувствовала. Скорее наоборот – странное, болезненное отторжение к всегда любимому блюду. Зато страшно захотелось нажраться чегонибудь отвратительно не полезного, какой-нибудь будь сахарной ваты, например, вприкуску с маринованным грибом.

– Гондоно – это то, чем ты не пользовалась для защиты секса,– хмыкнул вредный врач. Ему то какое дело. И при чем тут моя половая жизнь? Которой у меня, кстати нет уже месяц. После того, хм..... В общем Ромка бережет силы, готовясь к чемпионству. А скорее всего у него просто «не стоит», после того, как он начал колоть себе Эксилен. Надеется, дурачок, что не заметит никто.– Гонадотропин – гормон, который появляется в крови женщины, находящейся в интересном положении. Или, в редких случаях, он сигнализирует о редкой форме рака надпочечников, но это не твой случай. Олеся, ты беременна. Я не знаю, какой срок. Это скажет тебе гинеколог после обследования. Поздравляю.

– Ты охренел, Пилюлькин?– спокойно спросила я, посмотрев на Аркадьича взглядом моей маман, так, что любой на месте воспламенится, как тот феникс. Этот взгляд наша семейная гордость. – Или совсем умом тронулся? Ау. Сам же говорил, что с моим гормональным сбоем мне о беременности даже мечтать не стоит? Что ты за врач такой? Коновал.

– Олеся, ну чудо случилось. Радуйся,– совершенно спокойно ответил Роман Аркадьич, даже в ладошки прихлопнул, сволота.– Короче, бросай сушки, режимы, и наслаждайся беременностью. К соревнованиям, с твоими анализами я не могу тебя допустить.

– Слушай, Аркадьич, я по головам шла, не спала, не жрала, тягала железо, ломалась целых семь лет. Мне начхать на твои экзерсисы. Можешь засунуть свои умиления себе в задницу. Я требую повторных анализов, и молись, чтобы они были чистыми. Иначе я тебя сожру,– на одном дыхании выпалила я, чувствуя, что и в самом деле полакомилась бы сейчас какимнибудь стейком, размером с Северную Америку, политым отвратительно вредным BBQ соусом. И картошки фри ведерко. И пирожок с вишней, из гадской Американской харчевни, к которому обыкновенно даже палкой бы не притронулась.

– Я могу сделать еще сотни проб, Леся,– серьезно посмотрел на меня дурацкий спортивный доктор,– и они все покажут одно и то же. Ты получила шанс, испытать радость материнства. Скорее всего единственный в жизни. Так что воспользуйся им, не глупи. Думаю, Роман обрадуется.

– Да причем тут Роман? – заорала я, – ТЫ неужели не понимаешь, что это все. Это крах всех моих надежд? Мне не нужен ребенок. Я должна была королевой стать. Сколько у меня есть времени, чтобы устранить это досадное недоразумение.

– До соревнований полторы недели. Ты не успеешь восстановиться, если решишься сделать самую огромную глупость в своей жизни. Да и не возьмется никто. Аборт тебе противопоказан по медицинским показаниям. Ты столько лет измывалась над своим организмом, что ни один мало-мальски грамотный врач не возьмется проводить тебе данную процедуру.

– Значит найду самого тупорылого,– заорала я, заливаясь злыми слезами.– Я стану долбанной чемпионкой мира, ты меня понял, эскулап? Даже если ради этого мне придется дохлой по сцене дефилировать.

Я выскочила из кабинета Аркадьича в состоянии близком к сумасшествию. И виноват в моих бедах. Этот наглый слон, который воспользовался тем, что я не отдавала себе отчет в своих действиях. Ненавижу.

ЛЕВ

– Хочешь, я с тобой поеду, пупсеночек? – прогнусила Лиса, потягиваясь словно кошка на огромной, смятой кровати. Я хмыкнул. Почему-то в голову пришел старый анекдот, когда жирный мужик подходит к зеркалу, долго в него смотрится, а потом изрекает «Это ж надо так деньги любить»– Хочешь, а? Я как декабристка буду, все тяготы делить с любимым котиком.

– Не надо, – поморщился я, разглядывая лежащую в моей постели женщину, и невольно сравнивая ее с той, другой. Которую так и не смог выкинуть из головы. – Да и не понравится тебе трястись сутки в идиотском вагоне.

– Я тебя не понимаю, мой хищник. Есть же водитель у тебя. Да он на руках тебя нести должен, и благодарить еще за выпавшую ему честь. Ну ладно, самолеты ты не перносишь, – скривила, насколько это возможно, накачанную ботоксом мордашку любовница. Невестой у меня язык ее назвать не поворачивается. Да и нет у меня в планах пока хомута на шее.

– Ты же знаешь, у него ребенок родился. Да и потом, зачем парня гонять? Я вполне в состоянии добраться до клиники самостоятельно,– попытался объяснить я капризнице. Но она явно меня не поняла. В ее курином мозгу, челядь, как она называет обслугу, должна по первому зову нести в зубах то, что желает она – королева. Кстати, я сам виноват. Когда мы познакомились, Лиску звали Леной, и приехала она из такой тьму –таракани, что сейчас даже сама не вспомнит названия чудесного местечка. Зато, провинциалка Леночка была красива и свежа, и умело этим воспользовалась. Вот только деньги, большие деньги, испортили ее так быстро, что я даже не заметил, когда она превратилась в эгоистичную дуру. Зато то, что начал тяготиться отношениями с ней, я понял очень быстро.

– Пока! – радостно выкрикнул я, чмокнув Лису в щеку, страшно воняющую кокосом и еще какой-то химией. Взял подготовленный с вечера кофр, и вышел из дома, вдохнув полую грудью кристально чистый воздух. Дом я построил в сосновом бору, подальше от автомагистралей, и очень его любил, пока по собственной дурости не приволок в свою обитель клон известной всем Бузовой.

– Ты мне не звони сегодня, завтра,– крикнула она мне вслед,– я тогда наверное с девочками в спа закачусь.

И не собирался. Пусть куда хочет катится, хоть ко всем чертям. Даже больше того, я и свой телефон отключу. Не желаю слушать истерик. А они последуют, в этом я был совершенно уверен.

– Лев Георгиевич, тут билеты, и квитанции об оплате санатория на месяц. Анелия Павловна просила передать,– протянул мне пачку бумаг Сева, мой водитель, старательно отводя глаза – зря вы. Я бы с ветерком вас домчал, и с огромным удовольствием. После того, что вы сделали для моей семьи...

– Не надо, – прервал я парня.– К девочкам своим поезжай. Эх, Сева, если бы у меня ребенок родился, я бы с рук его не спускал. А ты собираешься тащиться хрен знает куда. Не глупи

Сева промолчал, а я задумался. Ну да, детей надо рожать от тех, кто тебя любит, и за кого ты готов жизнь отдать. Тогда и человек новый вырастет счастливым. А кого сможем вырастить

мы с Лиской, случись ей забеременеть? Хотя, это совершенно исключено. Моя любовница предохраняется, чтобы не дай бог. Граница на замке, так сказать.

Я ненавижу поезда. Не знаю, чем руководствовалась Анелия Павловна, купившая мне вагон в воняющем сажей, колбасой и несвежими носками составе. Может, мстила за то, что не пустил ее в этом месяце в отпуск. Черт ее знает. Но она сказала, что просто не нашла в столице такси, соответствующего моему статусу. Какому, интересно? Скорее просто не нашла машину, в которую я бы влез без проблем. Хотя сейчас, можно найти что угодно, было бы желание.

– Ой, а вы кто? – закатив глаза спросила проводница.

– Человек, – вякнул я. Каков вопрос, таков и ответ.

– Это ясно. Просто у нас в этом вагоне звезды всегда путешествуют, – хлопнула ресничками дурочка, ставя передо мной стакан с чаем, которым я тут же благополучно, обжегся, так что язык прилип к небу. – Понятно, не хотите говорить, не надо, – обиделась девчонка, и это стало началом конца. Весь день через вагон шлындали непонятные люди, облаченные в треники и несвежие майки, якобы пробирающиеся в вагон ресторан, хотя передвижная харчевня находилась в другой стороне состава, пытавшиеся раскрыть мое инкогнито. К утру я был готов убивать. Рвать руками несчастных. Потому, когда поезд, воняя, как задница демона, прибыл наконец к замызганому знакомому вокзалу, я едва сдержался, чтобы не сплясать.

Кирилла я заметил издалека. Он нервно мерил шагами перрон, поглядывая на часы каждую секунду. Я заскрипел зубами от злости. Кирка стоял возле огромного джипа похожего на автобус. Интересно, как он договорился, чтобы тачку пропустили на перрон. В этом весь он. Сплошные понты. Он меня, кстати не заметил. Болтал по телефону, даже не глядя по сторонам.

– Да говорю тебе, жирдяя жду. У него тут дела какие – то. Уж не знаю, что его сподвигло жиры свои трясти. Но документы готовь. Лева если обещает, слово держит.

– Привет, братишка, – жизнерадостно поздоровался я. Кирка испуганно вздрогнул.

– Ты давно здесь?

– Только подошел, – соврал я, сделав такое глупое лицо, что даже удивился, что дружок мой тертый повелся. – Классная у тебя тачка. Как раз под мои габариты. Вот покатаешь меня на ней месяцок. А там и клуб твой оплатим.

Нет, вы не подумайте. Я не из тех, кто получив «леща», подставляет еще и задницу. Просто сейчас Кирилл мне был нужен для связи с миром, пока я буду загорать в идиотской клинике, в которую, кстати, не очень то верю.

– Как это – месяцок? – ошалев от новости, прохрипел Кирилл, – я на завтра договорился.

– Поспешил ты, брат. Тут, понимаешь, такую сумму заказывать надо, – соврал я, даже глазом не моргнув. Научился, за долгие годы. – А я тут месяц пробуду. И твоя помощь не помешает.

– Твою мать, – выругался Кирилл, закидывая в багажник мой чемодан, – у тебя там что, труп, что ли.

– Почти угадал, – хмыкнул я, предвкушая, какой пир закачу в гостинице, когда все деликатесы перекочают из багажа на стол. А что, до похудения еще пять дней, имею право наслаждаться жизнью и вкусной едой и коробкой великолепных сигар, привезенных мне клиентами аж с Кубы. А потом обязательно загляну в ночной клуб, где встретил несносную девку. Вдруг снова повезет.

Глава 4

ОЛЕСЯ

Я не помню, как добралась до своей любимой, но довольно дряхлой уже машинки. Это же конец. Крах. Все, о чем я мечтала, летит буквально псу под хвост. Мне не доводилось раньше сталкиваться с беременными, и я уже была готова прожить жизнь без детей. Свыклась с мыслью, да и не страдала особо. Моих скудных знаний однако хватало на то, чтобы понимать. Беременность – это лишний вес, растяжки, целлюлит, и еще куча всякого дерьма, которое мне теперь предстоит разгрести. Нет, я сначала посетила гинеколога: вредную, грубую тетку, которая долго ковырялась во мне инквизиторскими инструментами, потом гоняла по анализам и наконец изрекла.

– Если ты, дура, сейчас пойдешь на криминальный аборт – сдохнешь в муках. А официально делать тебе процедуру возьмется только имбецил. И не смей травиться таблетками. Они тебе тоже противопоказаны. Плод не сбросишь, но рискуешь родить урода без мозга с тремя ногами.

–И что, совсем ничего нельзя сделать?– сипло спросила я, с трудом выталкивая воздух сквозь пересохшие связки. – У меня соревнования всей моей жизни. Я сушусь, голодаю и тягаю железо. Это наверно уже изуродовало зародыша.

– Для тебя он – ребенок,– сжав губы в куриную попку, сказала докторица,– запомни это раз и навсегда. Придешь через неделю, поставлю на учет, – тетка уткнулась в бумаги, давая понять, что разговаривать ей со мной не о чем больше. Я вышла в пустой уже, в это время коридор клиники, привалилась к шершавой стене, и заплакала.

– Ходют и ходют. Чего рыдаешь? Все мне тут соплями умазала,– услышала я дребезжащий, старческий голос, и в ногу мне ткнулась отвратительно грязная швабра, которую держала в руках бабуля, божий одуван. – Залетела штоля? Ох, беда с вами.

– Вам то какое дело? – удивилась я, даже не разозлившись на назойливую старушку, видимо от неожиданности. – Вы тут работаете, вот и мойте пол. Тоже мне, мать Тереза.

– Тю, я помочь хотела,– хмыкнула бабка, и потеряла ко мне интерес.

– Бабуль, прости а,– замела я хвостом. А что, все шанс, хоть и призрачный.

– Ладно уж, подлиза,– хмыкнула уборщица, поняв, что заполучила благодарную слушательницу.– Метод блеск, моя бабка еще от доуки так избавлялась, и безвредный. Только информация то денег стоит. Спасибо в унитаз не спустишь, понимаешь?

Конечно я понимала. Понимала, что я дура, но даже призрачная возможность, что все еще можно перекрыть, давала мне шанс. Я достала из кармана последнюю купюру в тысячу рублей, и протянула вымогательнице.

– Йоду напейся,– заговорщически шепнула бабка,– пять капель на стакан воды, а лучше водки. А потом со шкава сигани. Верняк поможет. Только уж не надъе... Не упади.

– А петлю на шею набросить, когда я со шкафа бросаться буду?– ехидно спросила я, понимая, что круто лоханулась. А драться со старушкой за тысячу, которая перекочевала в карман грязного фартука сил у меня уже не было.

–Дело твое, – хмыкнула бабка, явно довольная провернутой махинацией.

И теперь я еду домой, хотя совсем этого не хочу. Мать снова скажет, что была права в отношении меня, а тетя Люся будет квохтать как наседка.

Я открыла дверь своим ключом. В нос тут же ударил запах ванили, шампанского, и непонятно откуда взявшегося в будний день, праздника.

– Я дома, крикнула я, и поплелась в ванную, в поисках аптечки. А что, чем черт не шутит. Надежда то последней умирает. Йод я нашла почти сразу, а шкаф у меня в комнате по моему подходящий. Главное теперь понять, как на него забраться. Но для меня думаю, это проблемой не станет. Из зала, мы так называем центральную комнату нашей квартиры, послышались раскаты смеха, в котором присутствовал и мужской. И звон праздничных тетушкиных бокалов, которые она бережет, как сокровища Агры. Странно, кто это у нас в гостях, что Люсю так растащило, не иначе королева Елизавета к нам пожаловала в сопровождении своего рыжего внука. Ну ладно хоть мешать никто не станет. Заняты. Отмерив точно пять капель антисептика я залпом выпила светло желтую, похожую на мочу бурду, и пошла в свою спальню. На шкаф, кстати, забираться очень легко. Достаточно просто слегка подтянутся на руках, и взобраться ногами по полированной стенке. Вот только, как прыгать с мебелишки, если между крышкой шкафа и потолком расстояние всего сантиметров пятьдесят, об этом я не подумала, как то, потому зависла в позе орла, не представляя, как не над... Не упасть в общем. Я балансировала на краешке шкафа. Когда дверь распахнулась, и на пороге возникло все мое семейство, в сопровождении, угадайте кого. От неожиданности я все таки потеряла равновесие и с грохотом обрушилась на пол, к ногам мамули, обутым, почему-то в мои праздничные туфли.

– Я говорила, что беременность делает баб дурами. И это вдвойне печально, когда будущая мать была лишена мозга с самого рождения, – хмыкнула любящая родительница, брезгливо сморщив ботоксную физиономию.

– Откуда вы...? – начала было я, но посмотрев на Ромку, сразу поняла, по его дебилно – счастливой физиономии, что Аркадьич все таки решил донести радостную весть предполагаемому счастливцу. Люся тоже сияла, как медный пятак, и не предпринимала попыток, помочь мне подняться. Знает мою натуру. Я с детства никому не позволяла мне помогать, даже когда ломала ногу, сама шла в травмпункт. А вот именно сейчас мне хотелось, чтобы она прижала меня к себе, и развела все мои беды своими руками.

– Фроську встретила? – хохотнула маман, наблюдая, как я перекатываюсь на спину, поудобнее располагаясь на любимом ковре, украшенном Диснеевскими принцессами. Где уж Люся его раздобыла – секрет полишинеля, да только все подружки мне завидовали до зубовного скрежета, приходя в гости. – Чем травилась?

– Йодом, – нехотя ответила я, стараясь не смотреть на глупо улыбающегося мачо, нарезающего круги вокруг меня, как стервятник, над трупом.

– Старееет, кошелка, – хмыкнула мамуля, – тебя она велела гнать зеленкой. Десять капель на рюмку водки. Гадость редкая, надо сказать. Зато зубы потом с неделю изумрудные были. Может поэтому ты такая у меня получилась? Я не знаю

– Маша, замолчи, – взмолилась тетя Люся, – ну зачем ты? Олесенька, не слушай ее. Ты самая лучшая на свете девочка.

– А я и не спорила, – нахмурила брови любящая мамуля, – кстати, почему сейчас бабкин метод? Я сотку отдала двадцать пять лет назад.

– Тысячу, – сквозь зубы просипела я. Значит это тоже чудо, что я появилась на свет. Интересно, почему соя родительница не выскоблилась. Зная ее ответ на поверхности. Мирослава Миргородская элементарно зассала. Матушка скорее продать родину, чем позволит себе любимой страдать. Элементарная царапина – трагедия галактического масштаба.

– Лесь, выходи за меня, – подал голос Ромуальд тыча мне под нос бархатную коробочку, пока мамуся и моя любимая тетя, пытались убить друг друга взглядами. – Бриллиантик маленький. Но это пока. Когда я получу чемпионский фонд, обещаю – куплю булыжник с мой кулак.

– Ром, не тупи, – закатила я глаза. Этот театр абсурда начал меня утомлять. А родственниц похоже придется совсем скоро разнимать. Я никогда не видела родственниц в такой ярости, аж искры летят. – Ну подумай, как я могла забеременеть от тебя? У нас секса не было

уже полтора месяца. Ты не станешь любящим папой. И вообще после стероидов им никогда не станешь. Уходи.

– Не понял, – как бычок, мотнул головой Ромка, – Лесь, кольцо мамино. Оно нормальное, золотое.

– Рома, блин, ну как можно быть таким придурком? – спокойно спросила я, поднимаясь на ноги. Мир поплыл перед глазами, и хорошо, что я успела обрушиться на стоящую рядом кровать, покрытую девчачьим покрывалом. Его тоже мне Люся подарила, иначе я бы точно раскроила себе башку, завалившись в обморок. – Я с другим трахалась. Ребенок не твой.

Ромка растерянно смотрел на меня. А я не могла уже остановиться. Страх смешался с беспомощностью и яростью, выплескивался волнами, наполняя меня адской болью. Ничего того, к чему я долго стремилась не будет. И виноват в этом храпящий, как бегемот, незнакомый мне толстяк, которого я, скорее всего больше никогда в жизни не увижу.

В комнате воцарилась тишина, я аж оглянулась на маму с тетей. Прекративших баталию, и сейчас активно зырящих на меня, слава богу, не поубивали друг друга.

– Чего смотрите? – ощерилась я, – Я повела себя как дешевая проститутка, а теперь не могу исполнить свою мечту, потому что ношу выродка жирного тюленя, подцепленного мною в дешевом баре, – уже проорала, чувствуя, как меня сковывает лютая истерика. – Можешь гордиться мною, мамочка. Я достойная дочь Миры Миргородской.

– Да, доча. Это факт, – как то грустно вздохнула маман, и подхватив под руку растерянного Ромку, пока он не одумался и не наделал глупостей, утатила его в прихожую, что – то шепча ему на ухо. Я осталась с любимой Люсей, которая прижала меня к себе. Мне сразу стало легко. Правда, не было так ужасно страшно.

– Ничего детка, – улыбнулась тетя, так, как обычно, когда мне было страшно во время грозы, или перед экзаменами в школе.

– Ложись спать, – сказала Люся, – утро вечера мудренее.

– И думать нечего. Мне не нужен ребенок. Не сейчас, по крайней мер. И даже если я на эти соревнования не попадаю – плевать. В следующем году я там всех сделаю, – зло прошипела я.

– А дальше что? – тихо спросила Люся.

– В смысле?

– Ну соберешь ты все награды. А дальше. Ни семьи, ни ребенка. Деньги имеют обыкновение заканчиваться. Да и годы идут. Ну не молодеешь ты. Лесья, родная, подумай хорошо. Сто раз все взвесь. Ну посмотри на меня, – взмолилась Люся и я заметила на ее щеках две маленькие, скромные, как и моя тетушка, слезинки. – Я ведь так и осталась бобылкой. И даже то, что имела не удержала. И сейчас завидую тебе.

– Мне? – удивилась я, посмотрев на тетушку, как на умалишенную. Завидовать мне в данной ситуации, все равно, что утопленнику завидовать.

– Да, тебе. Я всю жизнь мечтала понянчить своего ребенка. Нет, не пойми меня неправильно, я очень тебя люблю. Ты как дочь, которой у меня так и не случилось. Но я так и не смогла ощутить того, что делает женщину счастливой. Не знаю, как это объяснить. У меня был мужчина, которого я обожала. Красавец невероятный. Брюнет, глазища синие, такие, что утонуть можно, – разоткровенничалась Люся. Боже, а ведь тетя то моя несчастлива. Я за всеми своими делами не смогла этого разглядеть. Видела Люсю всегда улыбающейся, готовой броситься мне на помощь в любую минуту. А какие демоны ее душу терзают не смогла разглядеть за все эти годы. – И он меня любил, ну, мне так казалось.

– И куда он делся? – нетерпеливо спросила я. Мне почему-то было неудобно, стыдно слушать о том, как рушилась жизнь женщины, меня воспитавшей.

– Ушел, – просто сказала Люся, – нашел себе более яркую, красивую, капризную. Родил от нее дочку. А потом исчез с горизонта. Подался на заработки и сгинул.

– Надеюсь не я виновата в этом. Конечно, кому охота чужого ребенка воспитывать,– наконец задала я мучающий меня вопрос. Потому что если Люся лишилась своего счастья благодаря мне, как жить с этим осознанием.

– Нет, это было до твоего появления на этот свет. Но он все равно оставил мне счастье,– загадочно улыбнулась тетушка. – А теперь ложись спать, мое сокровище. А я позвоню профессору Ганничкину. Он лучший гинеколог города, а по совместительству отец моего ученика. Может он решит твою проблему. Хотя, если честно я тебя не понимаю. Отказываться от такого невероятного дара судьбы, по- моему глупость.

– А не поздно? – спросила я, глядя, как Люся тычет пальцем по экрану подаренного мною на ее день рождения смартфона. Смешно, но она так и не разобралась до сих пор с адским аппаратом, хотя прошло уже четыре месяца.

– Ничего, за то что я его оболтуса за уши в старшие классы протащила, думаю он не обидится за поздний звонок.

Я пошла в ванную, потому что Люся терпеть не может, когда кто – то слушает е телефонные переговоры из- за спины. Даже мне это не позволено. Тетушка ярится, становясь похожей на огнедышащего дракона. А мне на сегодня и так достаточно потрясений. Я взяла в руки кусок любимого земляничного мыла, которое тетушка достает из каких то своих стратегических запасов, и едва сдержалась, чтобы не откусить от него хороший кусочек. Что за странности. И да, мне страшно хочется жрать. При чем всякую дрянь, от которой у меня наверняка случится несварение. Отбросив от себя скользкий мыльный кирпич, я сняла с себя одежду, оставшись совсем голой, и уставилась в огромное зеркало висящее на стене, которое приволокла мамуля, чтобы любоваться собой любимой. Серебряное стекло отразило стройную, рельефную фигуру двадцати пятилетней женщины. Да, не зря я столько работала над собой. Это тело должно получить титул. Вот только руки сами мои, словно живущие отдельной от остального организма жизнью, сами легли на пока еще плоский живот в защищающем автоматическом жесте, словно закрывая его, пытаюсь спасти то, что зародилось внутри. И эти мысли про то, что мой пресс пока еще плоский, меня напугали. Я отскочила от зеркала, села на бортик ванной отгрызла кусок земляничного мыла, поддавшись непреодолимому желанию и зарыдала, понимая, что это начало конца.

ЛЕВ

– Господин Смелов. Мне очень не нравится сообщать неприятные новости. Но только работать с вами мы начнем не через пять дней, как планировали, а не меньше чем через две недели,– лебезил передо мной доктор Нафов, бегая глазками, пытаясь при этом избежать встречи с моим взглядом.– Домик ваш подготовлен, но фитнес-диетолог, который должен был заниматься с вами, вчера во время выполнения какого – то упражнения, сломал руку.

– Это не мои проблемы, вообще-то, – чувствуя, что закипаю, выдохнул я. – Я заплатил вам деньги и хочу получить услугу вовремя, а не через две недели. Так что, уважаемый господин Нафов, если вы хотите получить деньги, а не судебный иск с моей стороны, предлагаю вам решить данную проблему, как можно скорее. Через пять дней я буду здесь, и думаю, что вы придумаете, как выйти из сложившейся ситуации. И боже вас упаси схалтурить,– полыхнул я напоследок, вставая с дорожущего кресла. Видно нехило этот мошенник зарабатывает на желании людей стать красивыми и здоровыми. Нафов поморщился, когда я закурил сигару, но промолчал. Было видно, что он раздражен и растерян. А я был зол. Точнее, скорее разочарован, потому что так и не нашел Олесю, а новость об отсрочке лечения просто меня добила и вывела из себя. Я и сам не понимал, зачем мне нужна эта девчонка. Но все равно в тайне надеялся, что снова встречу ее в ночном клубе, в который с упорством маньяка Кирилл таскал меня каждый день. Видимо рассчитывая, что я сдамся, и выпишу ему бабок прямо сейчас.

– Ну, чего там?– недовольно спросил Кирыч. Ему не очень то нравится похоже работать у меня шофером. – Лев, да что с тобой такое?

– Не знаю,– честно ответил я,– просто эта девка у меня из головы никак не идет. Какое-то предчувствие.

– Да брось. Что мне теперь, рассылать гонцов по волостям и насильно примерять всем незамужним бабам ту интересную часть ее туалета, которую красотка забыла на твоей голове? Тоже мне, Золушка, мать ее,– нервно выдал мой дружок.– Брось. Не занимайся фигней. Лечись, возвращайся к Лиске. Девка эта обычная шлюшка. Имя им Легион.

Я промолчал, хотя было желание просто растоптать нахального, холеного мужика, уже не похожего на лопоухого парня, каким я его помнил. Интересно, откуда в людях с возрастом появляется эта гниль? А может в детстве просто не замечаешь гадости в людях, какая – то защитная реакция, чтобы подрастающее поколение не разочаровывалось в людях раньше времени.

– Останови машину. Прогуляться хочу,– попросил я, и видя нерешительность в глазах Кирюхи спокойно сказал,– Я не обиделся. Просто хочу проветриться.

– Лева, я ведь за тебя переживаю,– вкрадчиво произнес Кирилл, но мне было уже не до него. Может мне показалось, конечно, но по тротуару на другой стороне улицы шла Олеся в сопровождении кругленькой, похожей на булочку женщины.– Да стой ты, заполошный,– прокричал друг, когда увидел, что я с несвойственной для своего телосложения скоростью ломанулся через дорогу, но услышал скрип тормозов, прямо возле себя, и был вынужден остановиться.

– Придурок!– заорал побледневший мужичок, который успел таки среагировать, иначе вместо «Приюта Наф- Нафа», я вполне мог бы обрести другой, менее привлекательный приют. И хорошо, если бы он не стал последним.– Я ж тебя убить мог. А у меня дети, между прочим.

– Не ори,– тоном царствующей особы приказал возникший, как черт из табакерки Кирюха, сунув испуганному дядьке крупную купюру. Надо будет отдать потом, кстати.– Поезжай куда ехал. Шумахер блин. Ну, а ты чего встал? – поинтересовался приятель, наблюдая, как я верчу головой. Олеся исчезла, словно испарилась.

– Да, ты прав, поехали,– кивнул я. Девки нигде не было. Я тупо смотрел на вывеску гинекологического центра, пытаюсь понять, что же со мной происходит. Или эта ведьма Олеся меня приворожила. У нее и имя то колдовское.– Хочу выпить, и страшно голоден. Отвези меня в какое-нибудь место с хорошей кухней. Отмечу свое не помню какое по счету рождение.

Глава 5

ОЛЕСЯ

– Присаживайтесь, Олеся, – показал мне глазами на стул профессор Ганничкин. Он мне понравился сразу, кстати. Внимательный, серьезный, но в глазах скачут озорные смешинки. Ясно в кого его сын такой оболтус. Поди тоже в школе был хулиганом. Из таких детей, кстати, чаще всего и получаются хорошие специалисты. – Ваша тетушка мне рассказала о проблеме. Я не стану читать вам моралей, потому что вы взрослый, состоявшийся человек. Ничего нового не скажу. Решившись на аборт, вы рискуете больше никогда не стать матерью. Мои коллеги, которых вы посетили до меня были правы. Но выбирать вам.

– Вы в этом уверены на сто процентов? – спокойно спросила, хотя в душе у меня клокотал вулкан эмоций. Гормоны взбунтовались, это нормально. Я всю ночь просидела в интернете, читая о беременности, и сейчас мне очень хотелось спать, есть, снова писать, хотя я и была в туалете десять минут назад, и чтобы кто – то меня пожалел.

– На двести, Олеся. Вообще чудо, что вам удалось забеременеть. Но гарантии, что подобное произойдет еще раз вам е даст даже господь бог. Сдайте анализы, и возвращайтесь. Перед процедурой надо сделать УЗИ, чтобы оценить состояние ваших репродуктивных органов, – поморщился доктор. – Хотя, я полагаю руку на сердце, очень надеялся, что вы передумаете.

Я вышла из кабинета профессора, и поплелась в лабораторию, под неумолчные вопросы Люси. Отвечать не хотелось, к ногам словно привязали гири, а в горле встал колом противный плаксивый ком.

– Люсь, я тебя очень люблю, но не нужно, пожалуйста. Мне и так очень страшно, – сдерживая рвущиеся рыдания тихо попросила я. Насмотревшись картинок в дурацком интернете, на которых огромные, как дирижабль, улыбающиеся тетки, с дебильно – счастливыми лицами едва стоят на варикозных слоновьих ногах, я поняла, что точно не хочу этого, а теперь снова начала сомневаться. Поэтому тетины причитания меня сейчас раздражали, и снова зарождали сомнения.

– Прости, – всхлипнула Люся мне в спину, глядя, как я захожу в лабораторию.

Крови из меня выкачали наверное ведро. Толстая, похожая на бульдозер, медсестра, даже жгутом не воспользовалась. Просто зажала мне предплечье огромной лапищей, как клещами.

– Эй, ты как там? – поинтересовалась красотка, видя, как я закатываю ясны глазыньки, силясь не хлопнуться в обморок. – Терпи, девочка. Тебе девять месяцев предстоит анализы сдавать каждую неделю.

– Я пришла делать аборт, – просипела я. С лица женщины сползла улыбка. Странно, но ее взгляд исподлобья меня привел в чувство. В нем было столько затаенной боли, что я почувствовала себя отвратительной дрянью.

– Готово, – без сочувствия и вообще каких либо эмоций сказала медсестра, и тут же потеряла ко мне интерес.

– До свидания, – попрощалась я, но ответа так и не дождалась.

– Люди всю жизнь мучаются, пытаются забеременеть. А эта фря решила от младенца избавиться. Этот мир катится в тартарары, – услышала я трубный голос, уже закрывая за собой дверь. Да что они все, сговорились что ли? Это моя жизнь. Какого хрена все лезут в нее, даже эта толстуха. Что бы она понимала?

– Заходите, – пригласил меня доктор. Я улеглась на кушетку, покрытую одноразовой простыней и замерла, не сводя глаз с темного монитора – Может пригласим вашу тетю? Я

обязан дать рекомендации. Аборт – хирургическое вмешательство, хоть и отработанное до автоматизма, но все же. Вы не против? После УЗИ, вас проводят в палату, где подготовят к процедуре. Одежду, ценные вещи отдадите родственнице. Клиника у нас хорошая, но всякое случается

– Нет,– прохрипела я. Мне даже хотелось, чтобы рядом был кто – то родной и близкий
– Я не против.

Люся просочилась в кабинет, встала возле меня. Я вцепилась в теплую, мягкую руку, сжимающую мои пальцы и поморщилась. Комок противного липкого геля шлепнулся мне на живот.

– Неприятно,– хмыкнул Ганничкин,– смотрите, это ваш ребенок. Прекрасно прикрепленный плод, Олеся. А вот женское здоровье меня ваше беспокоит.

– Где? – просипела я, силясь рассмотреть в мониторе то, чем так восторгался профессор, но кроме маленькой, плавающей в жидкости «горошины» ничего не могла рассмотреть. Люся всхлипнула, зажав рот руками, и меня прорвало. Я зарыдала в голос, напугав до смерти странно улыбающегося врача.

– Да вот он, смотрите,– ткнул он пальцем в маленькую точку на экране. Видите?

Да, я видела, и понимала, что все. Я влюбилась навсегда, пропала, сошла с ума. Я вскочила с кушетки, и молча бросилась к выходу. Что я здесь делаю? Какого черта думала раньше? Дура, он же все слышит и чувствует уже. Я читала ночью. Я идиотка. И я хочу улыбаться как дура, обнимая огромное похожее на арбуз пузо. И пережить беременность хочу. И пофигу, кто стал донором спермы. Наследственность можно перебороть. И вообще, с чего я взяла, что мой сын пойдет в Льва? Может у него будут мои гены. То, что будет мальчик, я почему-то даже не сомневалась. Сердце мне подсказало.

– Леся, стой,– тетя неслась за мной, как заправский спринтер. Интересно, как это у нее получилось почти меня догнать,– обуи кроссовки, асфальт холодный, а тебе сейчас нельзя болеть. И носиться, как угорелая, тоже кстати надо с осторожностью.

Я встала на месте, как соляной столп. А ведь и вправду, в ближайшие восемь месяцев мне придется жить не так, как я привыкла.

– Люся, я иду на работу,– решительно сказала я,– обещаю, что не буду изнурять себя. Но ребенку нужны будут пеленки, распашонки, коляски, памперсы. А на твою зарплату мы это не сможем себе позволить. Тем более, что у нас в квартире живет еще один капризный ребенок – моя мамуся.

– Только береги себя,– счастливо улыбнулась тетя, и проводив меня взглядом, пошла обратно в клинику. Наверное Ганничкину говорить спасибо. Ее мечта исполнится. Люся из тети превратится в самую лучшую бабушку на свете. Я шла по улице, раздуваясь от гордости и полного счастья. Вот уж не думала, что от беременности сходят с ума так стремительно. На губах моих играла дебильно – счастливая улыбка. Впервые за несколько дней и чувствовала я себя великолепно. Эх. Знать бы что меня ждет в давно ставшем родным, фитнес – клубе, в котором я работала со дня его основания, ни за что бы не преступила сегодня его порог. Не очень приятно, когда тебя с небес опускают на землю. Просто грубо швыряют, не заботясь о твоих чувствах.

– Не поняла,– спросила я консьержа дядю Митю, какого – то дальнего родственника Дядюшки Ау. Иначе в нашем пафосном клубе он бы ни за что не работал. Ефимыч набирает молодых и крепких телом, поддерживая статусность своего детища. Но для дяди Мити сделал исключение,– ты чего это не здороваешься? Я между прочим тебя поприветствовала.

– Я с падшими женщинами не разговариваю,– сквозь прокуренные усы хмыкнул всегда приветливый дядька,– у меня принципы. Шла бы ты, Олеся Игорьна, по добру по здорову. Роман все нам рассказал. И надо сказать, никто не одобрил, так – то.

Я онемела. Боже, этот дурак Ромка не придумал ничего лучшего, чем пойти на работу жаловаться на судьбу злодейку. Слава богу, что я не от него беременна. У Льва хоть интеллект на лице был написан. Порой задумаешься, что лучше – красивое тело, или ума палата.

В раздевалке меня тоже приняли холодно. Всегда щебечущие и болтающие о глупостях девчонки тут же замолкли, стоило мне переступить порог.

– Мы думали у тебя не хватит наглости заявиться, – посмотрев на меня, как на врага народа, наконец сказала Лариса, работающая в клубе фитнес-тренером.

– Да, а почему, интересно? – ухмыльнулась я. На душе было так гадко, словно меня вывалили в помоях. Да уж, неплохо начинается моя новая жизнь. – Потому что бедного Ромочку кинула. Ай, как жалко. Вот только это очень смешно. И не очень понятно, кто из нас мужик – я или он. Ситуация абсурдная. Бедный, обиженный Рома прибежал плакаться вам в жилетки, – уже не в силах сдерживаться истерично захохотала я.

– Ромка просто поделился, – заступилась за сплетника Лариса, и остальные с ней молчаливо согласились. – Зато ты у нас королева, вечно нос так высоко задран, что косяки дверные оббиваешь. Посмотрим теперь, как у тебя это получится, когда пузо на твой вечно задранный пятак полезет.

Я задыхнулась от ярости, но в дальнейшую полемику решила не вступать. Выскочила из раздевалки и понеслась по коридору. «Найду и убью» – билась в голове единственная, не сказать, чтобы очень здравая, мысль. Такого я, конечно от бывшего приятеля не ожидала. Значит не такой он дурак, раз нашел способ так больно меня ущипнуть. Хотя нет, умом там не пахло. Просто обыкновенный подлец. Ну ничего, разберусь с ним, а потом со всем остальным, Работу мне сейчас терять никак нельзя.

Ромка стоял возле барной стойки, попивал морковный сок, и скалился отвратительной, морковной улыбкой нашей фитнес – барменше Альбине.

– Ты представляешь. Просто трахнула какого – то богатого папика. Ну не шлюшка? – заливался соловьем Ромуальдо.

– Да, а ты свечку держал, – зло спросила я, подойдя к нему вплотную. Альбина уставилась на нас в ожидании концерта. Вот только у меня не было настроения уже бить покрасневшую морду подавившегося морковным соком мачо. Мне было смешно.

– Нет, не держал, – откашлявшись прохрипел Ромка, – поезд был толку то. Слишком далеко бы пришлось стоять. Ромео то твой на броневик был похож. Что Леся, за деньги думала чемпионкой стать, потому богатого папика оседлала? А иначе хрен бы ты золото взяла. И давно у вас с ним «любоооовь». Видимо да, раз ребеночек на подходе.

– Ах ты сволочь, – сквозь зубы прошипела я. Он ведь знает, как все вышло. Просто рассказывает всем адаптированную, ему удобную историю. Я к этому чемпионству столько лет шла. На боли, на слезах перла вперед. А этот стероидный урод стоит и глумится. На стойке Альбины резко зазвонил телефон. И слава богу, потому что отвлек меня от желания впиться зубами в горло нахально улыбающегося Ромки. Вместо этого я подняла руку и с замаху залепила ему такую пощечину, что этот комнатный Геракл от неожиданности отлетел к стене, разбрызгивая вокруг себя отвратительную оранжевую жижу, стакан с которой так и не выпустил из рук.

– Ах ты, шлюха, – заорал обиженный бывший бойфренд. Я успела увернуться. Стакан просвистел рядом с моим ухом, и ударился в плазменную панель, висящую за спиной Альбины.

– Олеся, тебя Борис Ефимыч вызывает, – проблеяла Альбина, так и застыв с телефонной трубкой возле уха, и при этом оценивая масштаб разрушений.

– Спасибо, – сказала я спокойно, и расправив плечи, гордо продефилировала мимо сидящего на полу Романа, подавив желание плюнуть в него, и точно зная, что Дядюшка Ау вызывает в свой кабинет только для того, чтобы сообщить об увольнении. В других случаях он сам приходит. Точнее, снисходит, как божество к изнуренному тренировками народу.

– Заходите, Олеся Игоревна,– официально пригласил меня Дядюшка Ау в свой кабинет. Вот цирк то. Секретутка Дядюшки Ау, а по совместительству еще и исполняющая роль кабинетной подстилки, ехидно ухмыльнувшись, показала куда я должна пройти. Да уж. Я знала, конечно, что мое место работы настоящий серпентарий, но чтобы настолько. И сплетня о моей беременности как быстро дошла до всех. Быстрее чем эбола в Африке распространилась.

– Олеся, ты знаешь, что я тебя уважаю. И уверен, что ты бы могла принести нам победу.

– Слушай, Ефимыч,– прервала я,– не стоит меня в плечо целовать.

– Не понял, – замер начальник. Конечно он не понял. Он вообще редко сразу суть схватывает.

– Анекдот такой есть,– произнесла устало, чувствуя, что мои моральные силы уже на исходе,– забудь. Это означает, что не надо начинать издалека.

– Ну не надо, так не надо. Я держал тебя тут, потому что надеялся на твою победу – а это, на минуточку, престиж заведения до заоблачных небес бы подняло. А теперь мне нужно воспитывать новую чемпионку, и для этого мне нужно место. Твое место Олеся. Потому, прошу тебя, только без скандалов, пиши заявление об увольнении.

– Не имеешь право. Любой суд тебя так взгреет, за то, что ты уволил беременную женщину,– блеснула я познаниями юрисдикции.

– Ну, тогда я тебя уволю по статье,– спокойно усмехнулся Ефимыч,– за дебош. Еще и сдеру с тебя денег за разбитую плазму.

– Стакан кинул Ромка, вообще-то,– сказала уже не очень уверенно.

– Да? А Альбина скажет, что ты. В общем, заявление возьмешь у моего секретаря. За расчетом придешь в день зарплаты. И Ромку не трожь, больше. Он и так от тебя натерпелся. Надо же, кто бы мог подумать, что ты такая... – замылся начальник.

– Какая? – прищурилась я.

– Ветреная. Свободна.

Из кабинета Бориса Ефимыча я выпала в предобморочном состоянии. Ну вот, и работы лишилась, и славу дурную заработала. Что дальше? До сегодняшнего дня ничего более унижительного со мной не происходило. «Засужу»,– билась в голове злая мысль, когда я как заядлый спринтер неслась по тротуару в сторону дома. Машину брать не решилась, потому что была в том состоянии, когда вглядываешься во все мало-мальски подходящие деревья, раздумывая в какое бы дербалызнуться со всей силы и больше не мучиться. В животе предательски заурчало. Я притормозила. В нос проник запах, по всей видимости жаренной на машинном масле, рыбы. Никогда не была любительницей или даже сторонницей подобных изысков, а тут просто с ума сошла от желания наестся отвратительной вкуснятины, да еще и полить рыбку сверху какой-нибудь гадостью, типа майонеза. А в идеале конечно нутеллой. Рот моментально наполнился слюной, и я заозиралась в поисках харчевни, распространяющей такие притягательные миазмы. Уродская вывеска, с нарисованным на ней одноногим, одноглазым уродцем, отдаленно напоминающим человеком, оповещала мир, что под ней находится ресторан, с чудесным названием «Капитан Кук» Ноги сами понесли меня к двери пафосного заведения. Ну да, судя по фасаду, поесть вредной пищи тут будет стоить баснословных денег. Я в уме подсчитывала наличность в своем кошельке, пыталась отговорить себя же от глупой затеи. Работы у меня нет, перспектив никаких, а я собираюсь пухнуть на ветер последние деньги, да еще и несварение рискую заработать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.